

**Материалы Семинара-совещания
на филологическом факультете МГУ.
«Тарас Шевченко и славянские культуры»
К 200-летию со дня рождения»**

Д.В. Веденеев, Д.В. Будков

**Патриотический поворот в годы Великой Отечественной войны
и образ Тараса Шевченко**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности создания эпического образа Тараса Шевченко как одной из ключевых фигур украинской советской культуры и советского патриотизма. Авторы анализируют роль творческого наследия и образа великого украинского поэта в деле мобилизации духовных сил украинского и других народов СССР на отпор агрессорам в годы Великой Отечественной войны. Рассматривается активизация научного изучения жизни и творчества Т. Шевченко, их использование в печатной и радиопропаганде, а также процесс оформления канонического образа поэта в советской официальной идеологии и пропаганде.

Ключевые слова: Тарас Шевченко, Великая Отечественная война, украинская культура, советский патриотизм, советская идеология, пропаганда

Abstract: The peculiarities of creating epic images of Taras Shevchenko as a key figure in Ukrainian Soviet culture and Soviet patriotism. The authors analyze the role of the creative heritage and way of the great Ukrainian poet in mobilizing spiritual forces of Ukrainian and other peoples of the USSR to repel the aggressors in the Great Patriotic War. We consider the activation of the scientific study of the life and works of T. Shevchenko, their use in print and radio propaganda, and the process of registration of the canonical image of the poet in the official Soviet ideology and propaganda.

Key words: Taras Shevchenko, Great Patriotic War, Ukrainian culture, Soviet patriotism, Soviet ideology, propaganda

Народный культ Тараса Шевченко сложился еще в первые 15–20 лет после его смерти и быстро приобрел статус универсального символа национального духа и этнокультурного возрождения. Образ поэта стремительно обрел политизацию, что стало очевидно уже при праздновании общественностью в украинских губерниях Российской империи 100-летнего юбилея Тараса Григорьевича, когда представления о «творце украинства» столкнулись с полуофициальной трактовкой поэта как «сепаратиста и врага России» (при практической поддержке этой точки зрения имперским МВД).

Тогда же «Шевченковский сдвиг» во Львове собрал участников «сокольского» национально-спортивного движения, давшего вскоре тысячи добровольцев-сечевиков для войны с Россией в рядах армии Австро-Венгрии (использование наследия Т. Шевченко национал-политическими организациями и партиями Галиции осуществлялось еще с 1870–1890-х гг.).

Использование советской властью образа Т. Шевченко в идейно-пропагандистских целях началось в период Гражданской войны. В коллекции плакатов, посвященных поэту, в фондах Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, можно увидеть, например, плакат 1920 г., где Кобзарь изображен в виде всадника с красным знаменем, на котором начертаны слова из «Заповіта» с призывом окропить свободу «вражей злою кровью».

Одновременно культ Шевченко официально поддерживался и противниками советского лагеря в Украине – Украинской Народной Республикой (УНР), его почитали украинские повстанцы различной политической ориентации. В свою очередь, противники красных и УНР, белогвардейцы, временно захватив украинские земли, тут же начинали целенаправленную борьбу даже с памятниками поэту, воспроизводя дореволюционные кампании гонения «мазепинцев»¹.

Конъюнктурное использование образа национального гения продолжалось весь период советской истории, в наглядной агитации Т. Шевченко фигурировал даже на плакатах, посвященных индустриализации, электрификации, причем его образ обрамлялся украинской советской государственной символикой. Остается только согласиться со словами М. Драгоманова, еще в конце 1870-х гг. подметившего: «... Все, кто брался писать о нем, прежде всего думали о себе, и каждый поворачивал Шевченко так, как ему самому на то время было нужно, и смотря на то, что и перед кем говорилось об украинском Кобзаре»².

В целом трактовки содержания творчества и мировоззрения самого Кобзаря нередко радикально противоположны, и группируются, как правило, вокруг двух крайних оценок: Шевченко – революционер-демократ, бунтарь, боец за права всех обездоленных, атеист и интернационалист; «батько Тарас» – национал-патриот (националист), идеолог украинской государственности, религиозная личность и непримиримый враг традиционных врагов Украины, четко локализованных по национальному принципу.

¹ Доценко О. Літопис української революції. Т. II. Кн. 4. Львів, 1923. С. 173–174.

² Цит. по: Реєнт О.П. Сім Шевченківських ювілеїв // Український історичний журнал. 2014. № 2. С. 22.

Действительно, тот же период Второй мировой войны убедительно показал, что образ Шевченко мог одинаково активно использоваться и в интересах укрепления идеологических основ советской власти в Украине, и в пропаганде, воспитательной работе подполья ОУН и Украинской повстанческой армии.

Теоретически явление «универсализма» образа Шевченко исследовал известный украинский диаспорный ученый Г. Грабович (прежде всего, в эссе «Шевченко как мифотворец», 1982). Как доказывал ученый, в основе поэтического космоса Шевченко лежит миф, мифологический код. Благодаря психологическим и экзистенциальным обстоятельствам судьбы самого Т. Шевченко и предрасположенности читателя к определенному восприятию его работ, поэт достиг уникальной вневременной созвучности с сознательными и подсознательными чувствами народа (в частности, чаяниями утопического освобождения, «золотого века», преодоления «лихолетия» притеснений власти).

После утверждения советского строя в Украине народный и национальный образ Т. Шевченко был подхвачен и в «классовом» понимании поставлен на службу официальной идеологии (чему способствовала и развернувшаяся с 1923 г. украинизация). Только в 1920–1938 гг. в советской Украине вышли 182 названия его произведений тиражом в 2,9 млн. Однако с 1920-х же годов было запрещено частное издание произведений поэта. В связи со сворачиванием украинизации, прекратили выпуск запланированного в 1934 г. 14-томного академического издания произведений. Все основные лица, причастные к выпуску в 1931 г. 100-тысячного тиража «Кобзаря», подверглись со временем незаконным репрессиям. В спецфонды попали десятки различных изданий произведений Т. Шевченко (в основном, из-за «идейно не выдержанных» предисловий или перехода их авторов в разряд «националистов», «врагов народа») и труды «неблагонадежных» шевченковедов.

Одной из задач созданной в 1939 г. редакционной коллегии 5-томного собрания сочинений Шевченко провозглашалось устранение «искажений, внесенных украинскими буржуазными националистами». Более того, цензурированию подверглись и сами произведения Т. Шевченко (после выхода в 1926 г. последнего не цензурированного издания сборника его поэзии). Подобная практика продолжалась и в дальнейшем. Достаточно сказать, что «Кобзарь» 1950 г. выпуска «потерял» усилиями цензоров 18% произведений и 7% объема¹.

Говоря об официальном использовании образа Шевченко в советское время, отметим, что оно пережило ренессанс в контексте постепенного возрождения патриотизма как гражданской и культурно-исторической ценности (ранее трактовавшейся как «реакционная идеология на службе империализма») и начинается с начала 1930-х гг. в связи с утверждением (ревизионистского по отношению к классическому марксизму) курса на «построение социализма в отдельной стране». Положение «Манифеста коммунистической

¹ Федотова О.О., Шаповал Ю.І. Тарас Шевченко й радянська цензура // Український історичний журнал. 2014. № 2. С. 71–72.

партии» об отсутствии Отечества у пролетариата подверглось пересмотру в выступлении И. Сталина на конференции руководителей промышленности в феврале 1931 г. Отмечалось, что в связи с переходом власти в руки рабочих, у них появилось Отечество и его необходимо защищать.

На протяжении 1930-х гг. наблюдается процесс постепенного перехода от вульгарно-классового, «революционного» представления об историческом прошлом, с его радикальным разрывом со «старым миром», интенсивным забыванием «наследия старого режима» как основой коммеморативной деятельности, к признанию (пусть и управляемо-дозированному) преемственности исторической традиции, включая использование багажа «великодержавия».

Именно исторический излом конца 1930-х – начала 1940-х гг., связанный с началом Второй мировой войны и смертельной опасностью, которую несла агрессия Третьего рейха народам СССР, привел к реанимации нации и национального как субъекта исторического процесса. В свою очередь, это привело к реабилитации «почвенного» украинского национального наследия и исторической памяти, разработке и согласованию украинской советской гуманитарной науки и культурой украинской исторической мифологии с российским метанаративом в рамках государственнообразующей концепции «дружбы народов» при доминировании исторической России и союзного центра.

При этом обязательным условием развития «украинского советского патриотизма» являлось его подчиненное и непротиворечивое положение по отношению к российскому имперскому прошлому и идеологическим канонам советского строя, новейшего советского историописания, акцентуация «неразрывных братских связей» русского и украинского народов, в том числе «боевого прошлого»¹.

Как отмечает российский историк М. Горинов, с 1930-х гг. в СССР происходит «болезненная трансформация большевизма», в рамках которой реабилитируется сама идея национально-государственного строительства, вплоть до возрождения тканей «российского имперского социума». Технологии модернизации огромной страны все больше осуществляются на основе «сохранения и развития базовых структур традиционного общества»².

Вхождение Западной Украины в состав Советского Союза и приближение войны с гитлеровской Германией породили усилия официальных пропаганды и исторической науки по возрождению национального духа и боевых традиций украинского народа. Опубликовано 15 ноября 1939 г. в органе ЦК КП(б)У, газете «Комуніст», письмо Верховного Совета УССР к И. Сталину даже ввело в оборот понятие «великий украинский народ». Оно же широко употреблялось в брошюре Н. Петровского «Военное прошлое украинского народа», изданной в массовой серии «Библиотека красноармейца»

¹ См.: *Скельчик С.* Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві. К.: Критика, 2008. С. 30–31.

² История России. XX век. М., 1996. С. 393–394.

(в работе содержались апелляции к присущим украинскому народу патриотизму, чувству независимости и свободы)¹.

Именно с упомянутыми изменениями в содержании государственной гуманитарной политики и было связано грандиозное (по всесоюзному масштабу и официальному уровню) празднование в СССР 125-й годовщины со дня рождения Тараса Шевченко в 1939 г. Заканчивается обустройство музейного комплекса поэта на Тарасовой горе в Каневе, там и в парке Шевченко перед Киевским государственным университетом имени Т.Г. Шевченко (на месте памятника императору Николаю I) воздвигаются величественные памятники.

Появляется Форт-Шевченко в Казахстане, именем поэта стали называть улицы, театры, школы, учебные заведения и так далее². Восьмого апреля 1941 г. в столице советской Украины открылся Центральный государственный музей Тараса Шевченко (отметим, что этот музей первым возобновил работу после освобождения Киева в ноябре 1943 г., развернув, в частности, выставку «Шевченко и Великая Отечественная война»). Систематизации научных работ о жизни и деятельности поэта способствовал выход в 1941 г. книги М. Шагинян «Тарас Шевченко» (затем переиздававшейся и защищенной в феврале 1944 г. в качестве докторской диссертации)³.

Отметим, что в 1920-х – 1934 гг. (т. е. до выхода известного партийно-правительственного решения о преподавании истории в учебных заведениях, знаменовавшего возврат к «государственническому» видению прошлого и реабилитации выдающихся деятелей истории – представителей «эксплуататорских классов»), когда господствовал вульгарно-социологический подход «школы Покровского», в украинской советской историографии деятельность Тараса Шевченко преимущественно трактовалась в ипостаси «проводника будущей социальной революции»⁴.

В то же время накануне военных потрясений Тарас Шевченко все более выступал не только как революционер-демократ, но и как выдающийся национальный поэт, один из «отцов-основателей» украинской этнокультурной общности, сакральная фигура в национальном пантеоне. Таким образом, концептуальные изменения в гуманитарной политике, направленные на «легитимизацию» государственно-патриотических, традиционалистских положений, активное использование образа Шевченко в государственной исторической политике, наряду с истинно народной популярностью поэта, заложили предпосылки для превращения «Шевченковского мифа» в мощное средство мобилизации духовных сил украинского и других народов СССР на отпор гитлеровской агрессии.

¹ *Петровский Н.Н.* Военное прошлое украинского народа. М.: Воениздат, 1939.

² В настоящее время существует свыше 1100 памятников Шевченко, из них более 50 – за рубежами Украины.

³ *Шагинян М.* Тарас Шевченко. М.: ОГМЗ, 1946. 358 с.

⁴ См., например: *Яворський М.* Нариси історії революційної боротьби на Україні. Харків, 1927. С. 179.

Об общенациональном почитании Шевченко и способности его творчества вдохновлять на боевые дела свидетельствует создание роты имени Шевченко (из украинцев диаспоры) в батальоне «Пала фокс» интернациональной бригады имени Парижской коммуны генерала Я. Домбровского во время гражданской войны в Испании 1936–1939 гг.¹

После нападения нацистской Германии на СССР, утверждения термина «Отечественная война», программной публикации Е. Ярославского в газете «Правда» (декабрь 1941 г.) «Большевики – наследники лучших патриотических традиций русского народа» и речи И. Сталина 7 ноября 1941 г. с обращением к «мужественным образам наших великих предков» (персонажей исключительно дореволюционной истории) начинается и популяризация видных фигур украинской истории – Даниила Галицкого, Петра Сагайдачного, Богдана Хмельницкого и его соратников (И. Богуна, М. Кривоноса и др.), С. Палия, У. Кармелюка и до «героев Гражданской войны» (Н. Щорс, «батько Боженко») – из числа погибших в ее ходе и не ставших жертвами репрессий 1936–1938 гг.

Своеобразный канонический ряд «идейно выдержанных» фигур украинской истории содержался в обращении «К украинскому народу» главы республиканской парторганизации Н. Хрущева и других руководителей УССР по случаю освобождения Киева 6 ноября 1943 г.: в нем Т. Шевченко соседствует с такими личностями, как Б. Хмельницкий, П. Сагайдачный и Николай Щорс!²

В этом отношении возвеличивание ранее «идейно враждебных» исторических фигур стало одним из ярких подтверждений возрождения традиционализма – наряду с роспуском в 1943 г. Коминтерна, окончательным отказом от лозунга «мировой революции», возрождением патриаршества в сентябре 1943 г., восстановлением символики и атрибутики дореволюционной армии, учреждением «полководческих» орденов.

В области внешней политики обеспечивается отстаивание естественных геополитических интересов великой державы (что, помимо прочего, принесло территориальную целостность украинским этническим землям в рамках, пусть и квазигосударственной, формы Украинской ССР). По словам Г. Киссинджера, «Сталин, великий идеолог, поставил свою идеологию на службу реальной политике».

По мнению этого столпа англосаксонской геополитической мысли, задуманный Сталиным новый мировой порядок представлял собою панславизм, подкрепленный коммунистической идеологией. Как вспоминал один из лидеров югославских коммунистов М. Джилас, Сталин в беседе заявил: «Если славяне останутся едиными и проявят солидарность, то никто в будущем не в состоянии будет пальцем пошевелить. Одним лишь пальцем!»³ Вряд ли случайно и фигура Тараса Шевченко в годы войны приобретает дополнительную трактовку как поборника славянского духовно-культурного единства.

¹ Маркушевский П.Т. За землю Радянську Кобзар воював. Одеса: Маяк, 1969. С. 55–56.

² Радянська Україна. 1943. 31 жовтня.

³ Киссинджер Г. Дипломатия М., 1997. С. 289, 394.

Следует подчеркнуть, что духовное тяготение к слову Кобзаря не было навязано «агитпропом» и исходило от самих фронтовиков. Как отмечал в апреле 1942 г. П. Тычина, «красноармейцы, и не только украинцы, в письмах в Союз писателей, Академию наук, просят прислать “Кобзарь” на фронт». Удовлетворяя пожелания читателей, только в 1942 г. выпустили шесть изданий «Кобзаря» (по три на украинском и русском языках) тиражом 250 тыс. экземпляров¹. Всего в 1941–1945 гг. увидело свет 14 отдельных тиражей произведений Шевченко (500 тыс. экземпляров).

Свои особенности имели произведения Шевченко, издаваемые для населения оккупированных земель Украины. В 1942–1943 гг. вышло три издания стихов с указанными на обложках довоенными годами выпуска и вмонтированными в тексты отрывками из произведений украинских советских писателей: М. Рыльского, П. Тычины, Н. Бажана, А. Малышко и других².

Томиком «Кобзаря» поощряли на передовой. В 1960 г. в Аджимушкайских каменоломнях, где в нечеловеческих условиях продолжали борьбу патриоты-подпольщики, обнаружили нарисованный углем на стене портрет поэта. Пробытый осколком «Кобзарь» на украинском языке нашли в полевой сумке погибшего сибиряка Пермитина³.

Активизировалось научное изучение творчества Т. Шевченко, его публицистическое использование. В частности, вышли (на украинском языке) такие книги, как «Певец свободы славянских народов» И. Назаренко, «Гнев Тараса Шевченко» П. Тычины, «Воинствующая жизнь Тараса Шевченко» Д. Косарик-Коваленко, «Шевченко и наши дни» А. Билецкого. За годы войны опубликовали свыше 120 наименований статей в периодике о жизни и творчестве поэта⁴.

Заметными явлениями научной и общественной жизни стали публичные научные мероприятия, посвященные поэту. «Шевченковские» Научные сессии Секции общественных наук АН УССР прошли в 1942–1943 гг. в Уфе, в 1944 г. в Москве и Харькове.

Выступая на подобной сессии 9–10 марта 1943 г., президент АН УССР А. Богомолец отмечал народность, демократизм творчества Тараса Григорьевича, его стремление к защите прав угнетенных. Особо подчеркивалась роль поэта в достижении национального единства украинского народа и то, что в его произведениях «заметное место принадлежит братским чувствам и глубокой симпатией, прежде всего, к русскому и к другим славянским народам».

Принципиальным и поучительным для современников стало замечание академика Богомольца о том, что Шевченко «глубоко национальный, но не националистический в своей безграничной любви к украинскому народу»⁵. Несовместимость содержания творчества Т. Шевченко с авторитарными по-

¹ Велика Вітчизняна війна Радянського Союзу 1941–1945 і Т.Г. Шевченко // Шевченківський словник. Т. 1. К.: УРЕ, 1976. С. 105.

² Там же. С. 106.

³ Маркушевський П.Т. Указ.соч. С. 60, 71.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Памяті Т.Г. Шевченка. Збірник доповідей, читаних на ювілейній Шевченківській сесії АН УРСР 9 і 10 березня 1943. М.: АН УРСР, 1944. С. 3.

столатами українського націоналізму підкреснуло в своєму доповіді «Дрожити, супостати!» академик П. Тычина. Он обратил внимание на неприязнь к поэту автора теории украинского интегрального национализма Д. Донцова, который считал Кобзаря стихийным лириком, неопределенным бунтарем и неорганизованной натурой¹.

Образцом конъюнктурой «модернизации» в трактовке творчества поэта может служить доклад кандидата филологических наук М. Плисецкого. «Патриотизм в поэзии Т.Г. Шевченко». Автор опровергал «антисемитизм» поэта, подчеркивал значение его наследия для «славянского братства». В то же время докладчик умудрился «увязать» протестные мотивы произведений Шевченко, посвященные борьбе украинского народа и казачества с засильем Речи Посполитой, для критики позиции польского эмиграционного правительства в Лондоне относительно послевоенного устройства и территориальных претензий на земли Западной Украины!²

Для населения оккупированной Украины и воинов Действующей армии с ноября 1941 по апрель 1944 г. вещала Радиостанция имени Т.Г. Шевченко в Саратове. В ее программе присутствовала специальная передача «Шевченко – патриот», транслировались вечера памяти поэта. У микрофона выступали такие известные писатели и деятели культуры как М. Рыльский, А. Довженко, О. Вишня, А. Малишко, П. Панч, Я. Галана, М. Нагнибида, Б. Лятошинский³.

Образ и яркие высказывания Шевченко активно использовались в плакатном жанре. Известный график В. Касиян выпустил цикл из 8 плакатов «Гнев Шевченко – оружие победы» (на украинском языке)⁴. Сюжеты из творчества поэта использовались в продукции «Агит-окна» Украинского издательства при ЦК КП(б)У («Тарас Шевченко о немце-кате» и другие), в серии плакатов «Окна ТАСС». Массовыми тиражами (по 100 тыс экз.) издавались листовки, которые сбрасывали с самолетов над оккупированной территорией, распространяли через партизан.

Таким образом, под влиянием «патриотического поворота» (обращения к традиционными историко-цивилизационным ценностям славянских народов) тяжелой поры Великой Отечественной войны подъем пережила украинская гуманитарная наука и культура, вышедшая за рамки косного «классового подхода» (жесткие административные мероприятия по недопущению дальнейшей «национализации» этого процесса были предприняты верхушкой ЦК ВКП(б) и КП(б)У уже с 1944 г., и особого размаха достигли в рамках республиканских аналогов «карательно-идеологических» кампаний второй половины 1940-х гг.).

Как бы то ни было, уникально масштабная и универсальная для украинской народной и «книжной» культуры личность Великого Кобзаря в годы войны (учитывая и объективные общественно-духовные потребности) приобрела

¹ Там же. С. 5–7.

² Маркушевский П.Т. Указ.соч. С. 25–36.

³ Радиостанція імені Т.Г. Шевченка // Шевченківський словник. Т. 2. К.: УРЕ, 1976. Т. 2. С. 153.

⁴ См. подробнее: *Лапукул З.* Тарас Шевченко у мистецтві плакату // Мистецтво. 1957. № 2.

расширенную интерпретацию и вошла в наднациональный (общесоюзный) канонический список выдающихся личностей – реперных опор советской идентичности. К Т. Шевченко применили формулу «национальный, но не националистический», что лишней раз подтверждает неоднозначность национальной политики в СССР и опровергает идеологически заостренные суждения о «тотальной русификации» нерусских народов в СССР.

Т. Шевченко в контексте духовно-мобилизационных потребностей военного времени рассматривался как «патриот», «непримиримый враг иноземных завоевателей», «духовный отец» украинцев, поборник свободы, апологет всеславянского единства.

После войны окончательно сложился официальный набор эпитетов к личности и творчеству Шевченко (составлявших структуру официально-утилитарной интерпретации его наследия), за соблюдением которого тщательно следил идеологический аппарат. В частности, в заключении Министерства кинематографии УССР по сценарию И. Савченко и А. Ильенко к художественному фильму о Тарасе Шевченко (15 декабря 1948 г.) отмечалось, что Шевченко представляет собой «гениального украинского поэта-демократа», «великого сына своего времени», борца с царизмом и крепостничеством, противника националистов¹.

Личность и образ гениального украинского поэта, 200-летие которого в этом году отмечают славянские народы, – народы, связанные глубокими историческими узами (значительно превосходящими советский период совместной истории), осознание значения личности и «позитивного мифа» Тараса Шевченко дает современникам поучительный пример того, как подлинно ценное национальное способно животворить отношения между народами, не допуская разгула разрушительного примитивного демона этноцинизма, рано или поздно требующего кровавых жертв и от собственных адептов.

Сведения об авторах:

Дмитрий Валерьевич Веденеев,
докт. ист. наук
профессор

Национальный институт украиноведения (Киев),

Дмитрий Валентинович Будков,
канд. истор. наук

Украинский центр международного образования (Киев)

Dmitry V. Vedeneev,
Doctor of Historical Sciences
Professor

National Institute of Ukrainian Studies (Kiev)

Dmitry V. Budkov,
Candidate of Historical Sciences

Ukrainian Center for International Education (Kiev)

¹ Центральный государственный архив общественных объединений Украины. Ф. 1. Оп. 70. Д. 554. Л. 5–6.